

МИР СКАЗКИ

СКАЗКИ ДЕДА МОРОЗА

МИР СКАЗКИ

**От Деда Мороза –
всем девочкам и мальчикам:**

*Приветствую вас, мои милые
и поздравляю с Новым Годом!*

*Я из Великого Устюга,
Где дуют ветры, крутит вьюга,
Тебе в подарок книжку шлю.*

*Здесь чудо я припрятал в сказках –
Его найдешь ты без подсказки.
И знай, что я тебя люблю!!!*

Дорогие друзья!

Новый Год – праздник, который одинаково любят и взрослые, и дети.

Он радует нас подарками и весельем, нарядной ёлкой, новогодними карнавалами и каникулами.

В Новый год все, кто верит в чудеса, обязательно получают весточку от Деда Мороза.

Она летит издалека. На карте нашей страны есть город Великий Устюг. Там живет главный Дед Мороз России.

Я побывал у него в гостях, прошел по Тропе Сказок, полюбовался дворцом. А потом и с ним самим повстречался. Сидит Дедушка Мороз на троне в большом зале и думу думает. «Хочу, – говорит, – подарить всем хорошим девочкам и мальчикам волшебные сказки».

Махнул Дед Мороз рукавицей, стукнул посохом – тут перед ним выстроились в ряд сказки и вмиг сложились в эту книжку. А нарисовали к ним иллюстрации художники знаменитой на весь мир деревни Федоскино.

Дед Мороз дарит эти книжки вам. Чтобы вы росли умными и сильными, храбрыми и справедливыми, как герои наших любимых сказок, где Добро всегда побеждает Зло.

Читайте русские сказки. Любите свою Отчизну. Помните, что каждый из вас нужен родной стране, каждый ей дорог, а все мы вместе и есть Россия!

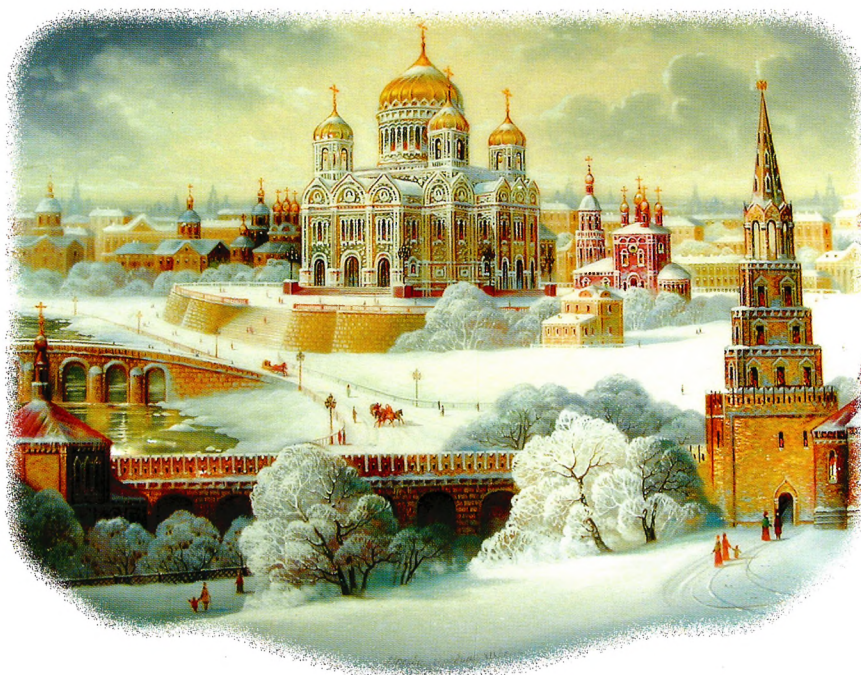
Поздравляю вас
с Новым 2006 годом!

Пусть сбудутся ваши
заветные желания
и исполнятся все мечты!

СЕРГЕЙ МИРОНОВ
Председатель
Российской партии ЖИЗНИ

СКАЗКИ ДЕДА МОРОЗА

*Миниатюры
мастеров Федоскино*

ПРОФИЗДАТ
Москва

**ББК 84 (2 Рос-Рус)1
С 421**

**Сказки Деда Мороза: Сборник. – М.: Проф-
С 421 издат, 2005. 80 с.**

В настоящий сборник вошли широко известные сказки.
В художественном оформлении книги использованы произ-
ведения лаковой миниатюрной живописи Федоскинского
народного промысла.

ISBN 5-255-01474-5

© Профиздат, 2005

© Федоскинская фабрика миниатюрной
живописи, иллюстрации, 2005

ИСТОРИЯ ДЕДА МОРОЗА

Давным-давно жили-были два брата – Водолей и Мороз. Братья правили всеми водами – дождевыми, озёрными, речными. Водолей – летом, а Мороз – зимой. Реки и озёра Мороз сковывал льдом, дождь превращал в снег и снегом укрывал землю.

Но однажды братья сильно поссорились и разошлись в разные стороны. Старший, Водолей, пошёл куда глаза глядят и, облюбовав одно местечко, построил там прекрасный город Великий Устюг. А младший решил пойти на чужбину счастья искать.

Много дорог исходил Мороз, много чего с ним за это время приключилось. Но вот устал Мороз бродить по белу свету. Вернулся он в родные края и поселился в деревне Морозовице рядом с Устюгом.

Русский Север, где находится этот дивный город, славится сказочными густыми лесами, кристально чистыми озёрами, чудодейственными родниками.

Вот почему полюбилась эта земля Морозу.

Каждую зиму застилал он белоснежными коврами поля и дороги, огораживал высокими сугробами дома, серебрил ветки деревьев.

Не ветер бушует над бором,
Не с гор побежали ручьи –
Мороз-воевода дозором
Обходит владенья свои.

Глядит – хорошо ли метели
Лесные тропы занесли,
И нет ли где трещины, щели,
И нет ли где голой земли?

Пушисты ли сосен вершины,
Красив ли узор на дубах?
И крепко ли скованы льдины
В великих и малых водах?

Идёт – по деревьям шагает,
Трещит по замёрзлой воде,
И яркое солнце играет
В косматой его бороде.

Н.А.Некрасов

Не любил Мороз лежебок, которые дрожали, жаловались на стужу, а любил бодрых и весёлых людей. Часто помогал он заблудившимся путникам, указывая дорогу. В окрестностях соседнего городка Никольска встретил Мороз двух девочек. Добрую и ласковую девочку он наградил богатыми подарками, а злую наказал за дерзость.

Так и жил Мороз, расписывал окошки дивными узорами, сковывал льдом речные и озёрные глади, замораживал снежные горки. То-то веселы были зимние празднества, с катаниями, гуляньями на бодрящем морозце, по скрипучему снегу! А в деревнях под Новый год старший в семье выходил на порог с ложкой кутьи (кушанья из варёных зёрен) или овсяного

киселя и «угощал» повелителя зимних холодов, приговаривая: «Мороз, Мороз, приходи кисель есть! Мороз, Мороз, не бей наш овёс, лён да конопли, в землю вколоти!»

Постепенно суровый дед становился всё добрее и добрее. И так полюбил народ, особенно детей, что на каждый Новый год стал приходить к ним в гости и дарить подарки.

А недавно устюжане построили своему знатному земляку великолепный деревянный терем, где Дед Мороз сам теперь принимает гостей, показывает им свои владения и рассказывает сказки. Каждый год ему приходят тысячи писем и приглашений со всей Русской земли.

Когда зима окончательно вступает в свои права, Дед Мороз начинает готовиться к празднику. Надевает красную, расшитую серебром и отороченную белым пухом шубу и та-

кую же шапку, шитые серебром сапоги, белые рукавицы. Берет свой хрустальный посох и большой бездонный мешок с подарками.

Уезжая из Великого Устюга в путешествие по необъятным просторам России, Дед Мороз заезжает в Берендеево царство, что находится неподалёку от города Костромы. Здесь его ждет Снегурочка – снежная девушка-красавица в белой, шитой серебром шубке и в венце, украшенном серебром и жемчугом. Снегурочка – символ чистоты, невинности, зимы и белого снега. Любимая сказочная героиня, обратившаяся летом в белое облачко, не исчезла, а приняла другой облик и с наступлением зимы вновь возвращается в мир людей в образе прекрасной нежной девы.

Вместе Дед Мороз и Снегурочка отправляются в праздничное путешествие поздравить всех от мала до велика с Новым годом, одарить подарками, пожелать здоровья и счастья.

ПО ЩУЧЬЕМУ ВЕЛЕНЬЮ

Русская народная сказка

В одной деревне жили-были три брата: двое умных, третий – дурачок Емеля. Пока братья работают, Емеля целый день лежит на печке, знать ничего не хочет.

Один раз умные братья собрались ехать в дальние города товаров закупать и говорят дурачку:

– Ну, смотри, Емеля, слушай наших жён и почитай так, как родную мать; мы тебе купим сапоги красные, и кафтан красный, и рубашку красную.

Емеля сказал им:

– Ладно, буду почитать.

Уехали братья, а Емеля лёг на печь и лежит. Невестки давай посылать его:

– Сходи, Емеля, за водой.

А он им с печки:

– Неохота...

– Сходи, Емеля, а то братья воротятся, гостинцев тебе не привезут.

– Ну ладно.

Слез Емеля с печки, обулся, оделся, взял вёдра да топор и пошёл на речку.

Прорубил лёд, зачерпнул вёдра и поставил их, а сам глядит в прорубь. И увидел Емеля в проруби щуку. Изловчился и ухватил щуку в руку:

– Теперь я наварю ухи из этой щуки, сам наемся, а невесткам не дам; я на них сердит!

Вдруг щука говорит ему человеческим голосом:

– Не ешь меня, Емеля, отпусти опять в воду, я тебе пригожусь, счастлив будешь!

А Емеля смеётся:

– На что ты мне понадобишься? Какое ж от тебя счастье? Нет, понесу тебя домой. Будет уха сладкая.

Щука взмолилась опять:

– Емеля, Емеля, отпусти меня в воду, я тебе сделаю всё, что ни пожелаешь.

– Ладно, только покажи сначала, что не обманываешь меня, тогда отпущу.

Щука его спрашивает:

– Емеля, Емеля, скажи – чего ты сейчас хочешь?

– Хочу, чтобы вёдра сами пошли домой и вода бы не расплескалась...

Щука ему говорит:

– Запомни мои слова: когда что тебе чего захочется – скажи только:

По щучьему веленью,

По моему хотенью.

Емеля и говорит:

– По щучьему веленью,

По моему хотенью –

ступайте, вёдра, сами домой...

Только сказал – вёдра сами и пошли в гору. Емеля пустил щуку в прорубь, а сам пошёл за вёдрами.

Идут вёдра по деревне, народ дивится, а Емеля идёт сзади, посмеивается... Зашли вёдра в избу и сами стали на лавку, а Емеля полез на печь.

Прошло много ли, мало ли времени – невестки говорят ему:

– Емеля, что ты лежишь? Ступай дрова наколи.

– Неохота.

– Не наколешь дров, братья воротятся, гостинцев тебе не привезут.

Емеле неохота слезать с печи. Вспомнил он про щуку и потихоньку говорит:

– По щучьему веленью,

По моему хотенью –

поди, топор, наколи дров, а дрова – сами в избу ступайте и в печь кладитесь...

Топор выскочил из-под лавки – и на двор, и давай дрова колоть, а дрова сами в избу идут и в печь лезут.

Много ли, мало ли времени прошло – невестки опять говорят:

– Емеля, дров у нас больше нет. Съезди в лес, наруби.

А он им с печки:

– Да вы-то на что?

– Как мы на что?.. Разве наше дело в лес за дровами ездить?

– Мне неохота...

– Ну не будет тебе подарков.

Делать нечего. Слез Емеля с печи, обулся, оделся. Взял верёвку и топор, вышел на двор и сел в сани:

– Бабы, отворяйте ворота!

Невестки ему говорят:

– Что ж ты, дурень, сел в сани, а лошадь не запряг?

– Не надо мне лошади.

Невестки отворили ворота, а Емеля говорит потихоньку:

– По щучьему веленью,

По моему хотенью –

ступайте, сани, в лес...

Сани сами и поехали в ворота, да так быстро – на лошади не догнать.

А в лес-то пришлось ехать через город, и тут он много народу помял, подавил. Народ кричит: “Держи его! Лови его!” А он знай сани погоняет. Въехал в лес, вышел из саней и говорит:

– По щучьему веленью,

– По моему хотенью –

топор, наруби дровишек посуше, а вы, дровишки, сами валитесь в сани, сами вяжитесь...

Топор начал рубить, колоть сухие дрова, а дровишки сами в сани валятся и верёвкой вяжутся. Потом Емеля велел топору вырубить себе дубинку – такую, чтобы насилу поднять. Сел на воз:

– По щучьему веленью,

По моему хотенью –

поезжайте, сани, домой...

Сани помчались домой. Опять проезжает Емеля по тому городу, где давеча помял, подавил много народу, а там его уж дожидаются. Ухватили Емелю и тащат с возу, ругают и бьют.

Видит он, что плохо дело, и потихоньку:

– По щучьему веленью,

По моему хотенью –

ну-ка, дубинка, обломай им бока...

Дубинка выскочила – и давай колотить. Народ кинулся прочь, а Емеля приехал домой и залез на печь.

Долго ли, коротко ли – услышал царь об Емелиных проделках и посылает за ним гонца: его найти и привезти во дворец.

Приезжает царский гонец в ту деревню, входит в ту избу, где Емеля живёт, и спрашивает:

– Ты – дурак Емеля?

А он с печки:

– А тебе на что?

– Одевайся скорее, я повезу тебя к царю.

– А мне неохота...

Рассердился гонец и ударил его по щеке.

А Емеля говорит потихоньку:

– По щучьему веленью,

По моему хотенью –

Дубинка, обломай ему бока...

Дубинка выскочила – и давай колотить гонца, насилу он ноги унёс.

Царь удивился, что его гонец не мог справиться с Емелей, и посылает своего самого набольшего вельможу:

– Привези ко мне во дворец дурака Емелю, а то голову с плеч сниму.

Накупил набольший вельможа изюму, черносливу, пряников, приехал в ту деревню, вошёл в ту избу и стал спрашивать у невесток, что любит Емеля.

– Наш Емеля любит, когда его ласково попросят да красный кафтан посулят, – тогда он всё сделает, что попросишь.

Набольший вельможа дал Емеле изюму, черносливу, пряников и говорит:

– Емеля, Емеля, что ты лежишь на печи? Поедем к царю.

– Мне и тут тепло...

– Емеля, Емеля, у царя тебя будут хорошо кормить-поить, – пожалуйста, поедем.

– А мне неохота...

– Емеля, Емеля, царь тебе красный кафтан подарит, шапку и сапоги.

Емеля подумал-подумал:

– Ну ладно, ступай ты вперёд, а я за тобой вслед буду.

Уехал вельможа, а Емеля полежал ещё и говорит:

– По щучьему веленью,

По моему хотенью –

ну-ка, печь, поезжай к царю...

Тут в избе углы затрещали, крыша зашаталась, стена вылетела, и печь сама пошла по улице, по дороге, прямо к царю.

Царь глядит в окно, дивится:

– Это что за чудо?

Набольший вельможа ему отвечает:

– А это Емеля на печи к тебе едет.

Вышел царь на крыльцо:

– Что-то, Емеля, на тебя много жалоб! Ты много народу подавил.

– А зачем они под сани лезли?

В это время в окно на него глядела царская дочь – Марья-царевна. Емеля увидал её в окошке и говорит потихоньку:

– По щучьему веленью,

По моему хотенью –

пускай царская дочь меня полюбит...

И сказал ещё:

– Ступай, печь, домой...

Печь повернулась и пошла домой, зашла в избу и стала на прежнее место. Емеля опять лежит-полёживает.

А у царя во дворце крик да слезы. Марья-царевна по Емеле скучает, не может жить без него, просит отца, чтобы выдал он её за Емелю замуж. Тут царь забедовал, затужил и говорит опять набольшему вельможе:

– Ступай приведи ко мне Емелю живого или мертвого, а то голову с плеч сниму.

Накупил набольший вельможа разных сладостей, поехал в ту деревню, вошёл в ту избу и начал Емелю потчевать.

Емеля напился, наелся, и лёг спать.

Вельможа положил его в повозку и повёз к царю. Царь тотчас велел прикатить большую бочку с железными обручами. В неё посадили Емелю и Марью-царевну, засмолили и

бочку в море бросили. Долго ли, коротко ли – проснулся Емеля; видит – темно, тесно:

– Где же это я?

А ему отвечают:

– Скучно и тошно, Емелюшка! Нас в бочку засмолили, бросили в синее море.

– А ты кто?

– Я – Марья-царевна.

Емеля говорит:

– По щучьему веленью,

По моему хотенью –

ветры буйные, выкатите бочку на сухой берег, на жёлтый песок...

Ветры буйные подули. Море взволновалось, бочку выкинуло на сухой берег, на жёлтый песок. Емеля и Марья-царевна вышли из неё.

– Емелюшка, где же мы будем жить? Построй какую ни на есть избушку.

Емеля и говорит:

– По щучьему веленью,

По моему хотенью –

выстройся каменный дворец с золотой крышей...

Только он сказал – появился каменный дворец с золотой крышей. Кругом – зелёный сад: цветы цветут и птицы поют.

Марья-царевна с Емелей вошли во дворец, сели у окошечка.

– Емелюшка, а нельзя тебе красавчиком стать?

Тут Емеля недолго думал:

– По щучьему веленью,

По моему хотенью –

стать мне добрым молодцем, писаным красавцем...

И стал Емеля таким, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

А в ту пору царь ехал на охоту и видит – стоит дворец, где раньше ничего не было.

– Это что за невежа без моего дозволения на моей земле дворец поставил?

И послал узнать-спросить: кто такие?

Гонцы побежали, стали под окошком, спрашивают.

Емеля им отвечает:

– Просите царя ко мне в гости, я сам ему скажу.

Царь приехал к нему в гости. Емеля его встречает, ведёт во дворец, сажает за стол. Начинают они пировать. Царь ест, пьёт и не надивится:

– Кто же ты такой, добрый молодец?

– А помнишь дурачка Емелю – как приезжал к тебе на печи, а ты велел его со своей дочерью в бочку засмолить, в море бросить? Я – тот самый Емеля. Захочу – всё твоё царство пожгу и разорю.

Царь сильно испугался, стал прощенья просить:

– Женись на моей дочери, Емелюшка, бери моё царство, только не губи меня!

Тут устроили пир на весь мир. Емеля женился на Марье-царевне, и стали вместе жить-поживать да добра наживать.

ЗИМОВЬЕ ЗВЕРЕЙ

Русская народная сказка

У старика со старухой были бык, баран, гусь да петух и свинья. Вот старик и говорит старухе:

– А что, старуха, с петухом-то нам нечего делать, зарежем его к празднику!

– Так что ж, зарежем.

Услышал это петух и ночью в лес убежал. На другой день старик искал, искал – не мог найти петуха. Вечером опять говорит старухе:

– Не нашёл я петуха, придётся нам свинью заколоть!

– Ну, заколи свинью.

Услышала это свинья и ночью в лес убежала.

Старик искал, искал свинью – не нашёл.

– Придётся барана резать!

– Ну что ж, зарежь.

Баран услышал это и говорит гусю:

– Убежим в лес, а то зарежут и тебя и меня!

И убежали баран с гусем в лес. Вышел старик на двор – нет ни барана, ни гуся. Искал, искал – не нашёл:

– Что за чудо! Вся скотина извелась, один бык остался. Придется, видно, быка резать!

– Ну что ж, зарежь.

Услышал это бык и убежал в лес. Летом в лесу привольно. Живут беглецы – горя не знают. Но прошло лето, пришла и зима. Вот бык пошёл к барану:

– Как же, братцы, товарищи? Время приходит студёное – надо избу рубить.

Баран ему отвечает:

– У меня шуба тёплая, я и так прозимую.

Пошёл бык к свинье:

– Пойдём, свинья, избу рубить!

– А по мне хоть какие морозы – я не боюсь: заруюсь в землю и без избы прозимую.

Пошёл бык к гусю:

– Гусь, пойдем избу рубить!

– Нет, не пойду. Я одно крыло постелю, другим накроюсь – меня никакой мороз не проймёт.

Пошёл бык к петуху:

– Давай избу рубить!

– Нет, не пойду. Я зиму и так под елью просижу.

Бык видит: дело плохо. Надо одному хлопотать.

– Ну, – говорит, – вы как хотите, а я стану избу ставить.

И срубил себе избушку один. Затопил печку и полёживается, греется.

А зима завернула холодная – стали пробирать морозы. Баран бегал, бегал, согреться не может – и пошёл к быку.

– Бэ-э!.. Бэ-э! Пусти меня в избу!

– Нет, баран. Я тебя звал избу рубить, так ты сказал, что у тебя шуба тёплая, ты и так прозимуешь.

– А коли непустишь, я разбегусь, вышибу дверь с крючьев, тебе же будет холоднее.

Бык подумал-подумал: «Дай пущу, а то застудит он меня».

– Ну, заходи.

Баран вошёл в избу и перед печкой на лавочку лёг.

Немного погода прибежала свинья:

– Хрю! Хрю! Пусти меня, бык, погреться!

– Нет, свинья. Я тебя звал избу рубить, так ты сказала, что тебе хоть какие морозы – ты в землю зароешься.

– А непустишь, я рылом все углы подрою, твою избу уроню!

Бык подумал-подумал: «Подроеет она углы, уронит избу».

– Ну, заходи.

Забежала свинья в избу и забралась в подполье.

За свиньёй гусь летит:

– Гагак! Гагак! Бык, пусти меня погреться!

– Нет, гусь, не пущу! У тебя два крыла, одно подстелешь, другим оденешься – и так прозимуешь.

– А непустишь, так я весь мох из стен вытереблю!

Бык подумал-подумал и пустил гуся. Зашёл гусь в избу и сел на шесток.

Немного погода прибегает петух.

- Ку-ка-ре-ку! Бык, пусти меня в избу.
- Нет, не пущу, зимуй в лесу, под елью.
- А не пустишь, так я взлечу на чердак, всю землю с потолка сгребу, в избу холода напущу.

Бык пустил и петуха. Взлетел петух в избу, сел на брус и сидит.

Вот они живут себе – впятером – поживают. Узнали про это волк и медведь.

– Пойдём, – говорят, – в избушку, всех поедим, сами станем там жить.

Собрались и пришли. Волк говорит медведю:

- Иди ты вперёд, ты здоровый.
- Нет, я ленив, ты шустрой меня, иди ты вперёд.

Волк и пошёл в избушку. Только вошёл – бык рогами его к стене и припёр. Баран разбежался – да бац, бац, начал осаживать волка по бокам. А свинья в подполье кричит:

– Хрю-хрю-хрю! Ножи точу, топоры точу, живого съесть волка хочу!

Гусь его за бока щиплет, а петух бегаёт по брусу да кричит:

– А вот как, да кудак, да подайте его сюда! И ножишко здесь, и гужишко здесь... Здесь его и зарежу, здесь его и подвешу!

Медведь услышал крик да бежать. А волк рвался, рвался, насилу вырвался, догнал медведя и рассказывает:

– Ну что мне было! До смерти чуть не забили... Как вскочил мужичище, в чёрном армячище, да меня ухватом-то к стене и припёр. А поменьше мужичишка, в сереньком армячишке, меня обухом по бокам, да всё обухом по бокам. А ещё поменьше того, в беленьком кафтанишке, меня щипцами за бока хватал. А самый маленький мужичишка, в красненьком халатишке, бегаёт по брусу да кричит: «А вот как, да кудак,

да подайте его сюда! И ножишко здесь, и гужишко здесь... Здесь его и зарежу, здесь его и подвешу!» А из подполья ещё кто-то как закричит: «Ножи точу, топоры точу, живого съесть его хочу!»

Волк и медведь с той поры к избушке близко не подходили.

А бык, баран, гусь да петух и свинья живут там, поживают и горя не знают.

МОРОЗКО

Русская народная сказка

Жили-были дед и баба. У деда была дочка, и у бабы была дочка. Все знают, как за мачехой жить: перевернёшься – бита и недовернёшься – бита. Родная что ни сделает, за всё её гладят по головке да приговаривают: «Умница!». Падчерица и скотину поила-кормила, дрова и воду в избу носила, печь топила, избу мела – ещё до свету... Ничем старухе не угодишь – всё не так, всё худо. Что делать? Ветер хоть пошумит, да затихнет, а старая баба расходится – не скоро уймётся, всё будет придумывать да зубы чесать. И придумала мачеха падчерицу со свету сжить:

– Вези, вези её, старик, – говорит мужу, – куда хочешь, чтобы мои глаза её не видали! Вези её в лес, на трескучий мороз.

Старик затужил, заплакал; однако посадил дочку на сани, хотел прикрыть попонкой – и то побоялся; повёз бездомную во чисто поле, свалил на сугроб, перекрестил, а сам поскорее домой, чтоб глаза не видали дочерниной смерти.

Девушка сидит под елью, дрожит, озноб её пробирает. Вдруг слышит – невдалеке Морозко по ёлкам потрескивает, с ёлки на ёлку поскакивает, пощёлкивает. Очутился на той ели, под которой девица сидит, и сверху её спрашивает:

– Тепло ли тебе, девица?
Она чуть дух переводит:
– Тепло, Морозушко, тепло, батюшка.
Морозко стал ниже спускаться, сильнее потрескивает,
пощёлкивает:
– Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?

Она чуть дух переводит:

– Тепло, Морозушко, тепло, батюшка.

Морозко ещё ниже спустился, пуще затрещал, сильнее защёлкал:

– Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная? Тепло ли тебе, лапушка?

Девица окостеневать стала, чуть-чуть языком шевелит:

– Ой, тепло, голубчик Морозушко!

Тут Морозко сжалился над девицей; окутал её тёплыми шубами, отогрел пуховыми одеялами.

А мачеха по ней поминки справляет, печёт блины и кричит мужу:

– Ступай, старый, вези свою дочь хоронить!

Поехал старик в лес. Доезжает до того места – под большою елью сидит его дочь, весёлая, румяная, в собольей шубе, вся в золоте-серебре, а около – короб с богатыми подарками. Старик обрадовался, положил всё добро в сани, посадил дочь, повёз домой.

А дома старуха печёт блины, а собачка под столом:

– Тяф, тяф! Старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину замуж не берут.

Старуха бросит ей блин:

– Не так твякаешь! Говори: «Старухину дочь замуж берут, а стариковой дочери косточки везут...»

Собака съест блин и опять:

– Тяф, тяф! Старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину замуж не берут.

Старуха блины ей кидала и била её, собачка – всё своё...

Вдруг заскрипели ворота, отворилась дверь, в избу идёт падчерица – в злате-серебре, так и сияет. А за ней несут короб высокий, тяжёлый. Старуха глянула – и руки врозь...

– Запрягай, старый, другую лошадь! Вези, вези мою дочь в лес на то же место...

Старик посадил старухину дочь в сани, повёз её в лес на то же место, вывалил в сугроб под высокой елью и уехал.

Старухина дочь сидит, зубами стучит. А Морозко по лесу потрескивает, с ёлки на ёлку поскакивает, пощёлкивает, на старухину дочь поглядывает:

– Тепло ли тебе, девица?

А она ему:

– Ой, студёно! Не скрипи, не трещи, Морозко...

Морозко стал ниже спускаться, пуще потрескивать, пощёлкивать:

– Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?

– Ой, руки, ноги отмёрзли! Уйди, Морозко...

Ещё ниже спустился Морозко, сильнее приударил, затрещал, защёлкал:

– Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?

– Ой, совсем застудил! Сгинь, пропади, проклятый Морозко!

Рассердился Морозко, да так хватил, что старухина дочь окостенела.

Чуть свет старуха посылает мужа:

– Старик, ступай, мою дочь привези, лихих коней запряги, да саней не повали, да сундук не оброни!

А собачка под столом:

– Тяв, тяв! Старикову дочь женихи возьмут, а старухиной в мешке косточки везут!

Всполошилась старуха:

– Как бы и вправду чего худого с моей дочкой не случилось!

Накинула она шубу, повязалась платком и пустилась вдогонку за стариком. А метель ещё пуще воет, ещё пуще крутит. Совсем дорогу замело. Сбилась злая старуха с пути, и завалило её снегом. Старик поискал-поискал в лесу старухину дочку – не нашёл. Вернулся домой – и старухи нет. Собрал он соседей, пустился с ними на поиски. Долго искали, все сугробы перерыли, да так и не нашли.

Стал старик жить вдвоём с дочкой. А как пришла весна, посватался к девушке добрый молодец – из кузницы кузнец. Сыграли они весёлую свадьбу и стали жить в любви да согласии.

СНЕГУРОЧКА

Русская народная сказка

Жили-были старик со старухой. Жили ладно, дружно. Всё бы хорошо, да одно горе – детей у них не было.

Вот пришла зима снежная, намело сугробов до пояса, высыпали ребятишки на улицу поиграть, а старик со старухой на них из окна глядят да про своё горе думают.

– А что, старуха, – говорит старик, – давай мы себе из снега дочку сделаем.

– Давай, – говорит старуха.

Надел старик шапку, вышли они на огород и принялись дочку из снега лепить. Скатали они снежный ком, ручки, ножки приладили, сверху снежную голову приставили. Вылепил старик носик, рот, подбородок. Глядь: а у Снегурочки губы порозовели, глазки открылись; смотрит она на стариков и улыбается. Потом закивала головкой, зашевелила ручками, ножками, стряхнула с себя снег – и вышла из сугроба живая девочка.

Обрадовались старики, привели её в избу. Глядят на неё, не налюбуются.

И стала расти у стариков дочка не по дням, а по часам; что ни день, то всё краше становится. Сама беленькая, точно снег, коса русая до пояса, только румянца нет вовсе.

Не нарадуются старики на дочку, души в ней не чают. Растёт дочка и умная, и смышлёная, и весёлая. Со всеми ласковая, приветливая. И работа у Снегурочки в руках спорится, а песню запоёт – заслушаешься.

Прошла зима. Начало пригревать весеннее солнышко. Зазеленела трава на проталинах, запели жаворонки.

А Снегурочка вдруг запечалилась.

– Что с тобой, дочка – спрашивают старики. – Что такая невесёлая стала? Иль тебе неможется?

– Ничего, батюшка, ничего, матушка, я здорова.

Вот и последний снег растаял, зацвели цветы на лугах, птицы прилетели.

А Снегурочка день ото дня всё печальнее, всё молчаливее становится. От солнца прячется. Всё бы ей тень да холодок, а ещё лучше – дождичек крупный.

Раз надвинулась чёрная туча, посыпал крупный град. Обрадовалась Снегурочка граду, точно жемчугу перекаточно-му. А как снова выглянуло солнышко и град растаял, Снегурочка заплакала, да так горько, словно сестра по родному брату.

За весной лето пришло. Собрались девушки на гулянье в рощу, зовут Снегурочку:

– Идём с нами, Снегурочка, в лес гулять, песни петь, плясать.

Не хотелось Снегурочке в лес идти, да старуха её уговорила:

– Пойди, дочка, повеселись с подружками!

Пришли девушки со Снегурочкой в лес. Стали цветы собирать, венки плести, песни петь, хороводы водить. Только одной Снегурочке по-прежнему невесело.

А как свечерело, набрали они хворосту, разложили костёр и давай все друг за дружкой через огонь прыгать. Позади всех и Снегурочка встала.

Побежала она в свой черёд за подружками. Прыгнула над огнём и вдруг растаяла, обратилась в белое облачко. Поднялось облачко высоко и пропало в небе. Только и услышали подружки, как позади простонало что-то жалобно: «Ау!». Обернулись они: Снегурочки нет.

Стали они кликать её:

– Ау, ау, Снегурочка!

Только эхо им в лесу откликнулось.

СЕРЕБРЯНОЕ КОПЫТЦЕ

П.Бажов

Жил в нашем заводе старик один, по прозвищу Кокованя.

Семьи у Коковани не осталось, он и придумал взять в дети сиротку. Спросил у соседей – не знают ли кого, а соседи и говорят:

– Недавно на Глинке осиротела семья Григория Потопаева. Старших-то девчонок приказчик велел в барскую рукодельню взять, а одну девчоночку по шестому году никому не надо. Вот ты и возьми её.

– Несподручно мне с девчонкой-то. Парнишечко бы лучше. Обучил бы его своему делу, пособника бы растить стал. А с девчонкой как? Чему я её учить-то стану?

Потом подумал-подумал и говорит:

– Знавал я Григорья, да и жену его тоже. Оба весёлые да ловкие были. Если девчоночка по родителям пойдёт, не тоскливо с ней в избе будет. Возьму её. Только пойдёт ли?

Соседи объясняют:

– Плохое житьё у неё. Приказчик избу Григорьеву отдал какому-то горюну и велел за это сиротку кормить, пока не подрастёт. А у того своя семья больше десятка. Сами не досыта едят. Вот хозяйка и взъедается на сиротку, попрекает

её куском-то. Та хоть маленькая, а понимает. Обидно ей. Как не пойдёт от такого житья! Да и уговоришь, поди-ка.

– И то правда,– отвечает Кокованя. – Уговорю как-нибудь.

В праздничный день и пришёл он к тем людям, у кого сиротка жила. Видит – полна изба народу, больших и малень-

ких. У печки девчоночка сидит, а рядом с ней кошка бурая. Девчоночка маленькая, и кошка маленькая и до того худая да ободранная, что редко кто такую в избу пустит. Девчоночка эту кошку гладит, а она до того звонко мурлычет, что по всей избе слышно. Поглядел Кокованя на девчоночку и спрашивает:

– Это у вас Григорьева-то подарёнка?

Хозяйка отвечает:

– Она самая. Мало одной-то, так ещё кошку драную где-то подобрала. Отогнать не можем. Всех моих ребят перецарапала, да ещё корми её!

Кокованя и говорит:

– Неласковые, видно, твои ребята. У ней вон мурлычет.

Потом и спрашивает у сиротки:

– Ну как, подарёнушка, пойдёшь ко мне жить?

Девчоночка удивилась:

– Ты, дедо, как узнал, что меня Дарёнкой зовут?

– Да так, – отвечает, – само вышло. Не думал, не гадал, нечаянно попал.

– Ты хоть кто? – спрашивает девчоночка.

– Я, – говорит, – вроде охотника. Летом пески промываю, золото добываю, а зимой по лесам за козлом бегаю, да всё увидеть не могу.

– Застрелишь его?

– Нет, – отвечает Кокованя. – Простых козлов стреляю, а этого не стану. Мне посмотреть охота, в котором месте он правой передней ножкой топнет.

– Тебе на что это?

– А вот пойдёшь ко мне жить, так всё и расскажу.

Девчоночке любопытно стало про козла-то узнать. И то видит – старик весёлый да ласковый. Она и говорит:

– Пойду. Только ты эту кошку, Мурёнку, тоже возьми. Гляди, какая хорошая.

– Про это, – отвечает Кокованя, – что и говорить. Такую звонкую кошку не взять – дураком остаться. Вместо балалайки она у нас в избе будет.

Хозяйка слышит их разговор. Рада-радехонька, что Кокованя сиротку к себе зовёт. Стала скорей Дарёнкины пожитки собирать. Боится, как бы старик не передумал. Кошка будто тоже понимает весь разговор. Трётся у ног-то да мурлычет: «Пр-равильно придумал. Пр-равильно».

Вот и повёл Кокованя сиротку к себе жить. Сам большой да бородатый, а она махонькая, и носишко пуговкой. Идут по улице, и кошечка ободренная за ними попрыгивает.

Так и стали жить вместе дед Кокованя, сиротка Дарёна да кошка Мурёнка. Жили-поживали, добра много не наживали, а на житьё не плакались, и у всякого дело было. Кокованя с утра на работу уходил, Дарёнка в избе прибирала, похлёбку да кашу варила, а кошка Мурёнка на охоту ходила – мышей ловила. К вечеру соберутся, и весело им.

Старик был мастер сказки сказывать. Дарёнка любила те сказки слушать, а кошка Мурёнка лежит да мурлычет: «Пр-равильно говорит. Пр-равильно».

Только после всякой сказки Дарёнка напомним:

– Дедо, про козла-то скажи. Какой он?

Кокованя отговаривался сперва, потом и рассказал:

– Тот козёл особенный. У него на правой передней ноге серебряное копытце. В каком месте топнет этим копытцем, там и появится дорогой камень. Раз топнет – один камень, два топнет – два камня, а где ножкой бить станет – там груда дорогих камней.

Сказал это, да и не рад стал. С той поры у Дарёнки только и разговору что об этом козле.

– Дедо, а он большой?

Рассказал ей Кокованя, что ростом козёл не выше стола, ножки тоненькие, головка лёгонькая.

А Дарёнка опять спрашивает:

– Дедо, а рожки у него есть?

– Рожки-то, – отвечает, – у него отменные. У простых козлов на две веточки, а у этого – на пять веток.

– Дедо, а он кого ест?

– Никого, – отвечает, – не ест. Травой да листом кормится. Ну, сено тоже зимой в стожках подъедает.

– Дедо, а шёрстка у него какая?

– Летом, – отвечает, – буренькая, как вот у Мурёнки нашей, а зимой серенькая.

Стал осенью Кокованя в лес собираться. Надо было ему поглядеть, в которой стороне козлов больше пасётся. Дарёнка и давай проситься:

– Возьми меня, дедо, с собой! Может, я хоть сдалека того козлика увижу.

Кокованя и объясняет ей:

– Сдалека-то его не разглядишь. У всех козлов осенью рожки есть. Не разберёшь, сколько на них веток. Зимой вот – дело другое. Простые козлы зимой безрогие ходят, а этот – Серебряное Копытце – всегда с рожками, хоть летом, хоть зимой. Тогда его сдалека признать можно.

Этим и отговорился. Осталась Дарёнка дома, а Кокованя в лес ушел. Дней через пять воротился Кокованя домой, рассказывает Дарёнке:

– Ныне в Полдневской стороне много козлов пасётся. Туда и пойду зимой.

– А как же, – спрашивает Дарёнка, – зимой-то в лесу ночевать станешь?

– Там, – отвечает, – у меня зимний балаган у покосных ложков* поставлен. Хороший балаган, с очагом, с окошечком. Хорошо там.

---

* Покосный ложок – неглубокий, но широкий лесной овраг, где косят сено.

Дарёнка опять спрашивает:

– Дедо, а Серебряное Копытце в той же стороне пасётся?

– Кто его знает. Может, и он там.

Дарёнка тут и давай проситься:

– Возьми меня, дедо, с собой! Я в балагане сидеть буду. Может, Серебряное Копытце близко подойдёт – я и погляжу.

Старик сперва руками замахал:

– Что ты! Что ты! Статочное ли дело зимой по лесу маленькой девчонке ходить! На лыжах ведь надо, а ты не умеешь. Угрузнешь в снегу-то. Как я с тобой буду? Замёрзнешь ещё!

Только Дарёнка никак не отстаёт:

– Возьми, дедо! На лыжах-то я маленько умею.

Кокованя отговаривал-отговаривал, потом и подумал про себя: «Сводить разве? Раз побывает – в другой не запросится».

Вот он и говорит:

– Ладно, возьму. Только, чур, в лесу не реветь и домой до времени не проситься.

Как зима в полную силу вошла, стали они в лес собираться. Уложил Кокованя на ручные санки сухарей два мешка, припас охотничий и другое, что ему надо. Дарёнка тоже узелок себе навязала. Лоскуточков взяла кукле платье шить, ниток клубок, иголку да ещё верёвку. «Нельзя ли, – думает, – этой верёвкой Серебряное Копытце поймать?»

Жаль Дарёнке кошку свою оставлять, да что поделаешь! Гладит кошку-то на прощанье, разговаривает с ней:

– Мы, Мурёнка, с дедом в лес пойдём, а ты дома сиди, мышей лови. Как увидим Серебряное Копытце, так и воротимся. Я тебе тогда всё расскажу.

Кошка лукаво посматривает, а сама мурлычет: «Пр-правильно придумала. Пр-правильно».

Пошли Кокованя с Дарёнкой. Все соседи дивуются:

– Из ума выжил старик! Такую маленькую девчонку в лес зимой повёл!

Как стали Кокованя с Дарёнкой из заводу выходить, слышат – собачонки что-то сильно забеспокоились. Такой лай да визг подняли, будто зверя на улицах увидали. Оглянулись, – а это Мурёнка серединой улицы бежит, от собак отбивается. Мурёнка к той поре поправилась. Большая да здоровая стала. Собачонки к ней и подступиться не смеют.

Хотела Дарёнка кошку поймать да домой унести, только где тебе! Добежала Мурёнка до лесу, да и на сосну. Пойди поймай!

Покричала Дарёнка, но не могла кошку приманить. Что делать? Пошли дальше. Глядят – Мурёнка стороной бежит. Так и до балагана добралась.

Вот и стало их в балагане трое. Дарёнка хвалится:

– Веселее так-то.

Кокованя поддакивает:

– Известно, веселее.

А кошка Мурёнка свернулась клубочком у печки и звонко мурлычет: «Пр-равильно говоришь. Пр-равильно».

Козлов в ту зиму много было. Это простых-то. Кокованя каждый день то одного, то двух к балагану притаскивал. Шкур у них накопилось, козлиного мяса насолили – на ручных санках не увезти.

Надо бы в завод за лошадьё сходить, да как Дарёнку с кошкой в лесу оставить! А Дарёнка попривыкла в лесу-то. Сама говорит старику:

– Дедо, сходил бы ты в завод за лошадьё. Надо ведь солонину домой перевезти.

Кокованя даже удивился:

– Какая ты у меня разумница, Дарья Григорьевна! Как большая рассудила. Только забоишься, поди, одна-то.

– Чего, – отвечает, – бояться! Балаган у нас крепкий, волкам не добиться. И Мурёнка со мной. Не забоюсь. А ты поскорее ворочайся всё-таки!

Ушёл Кокованя. Осталась Дарёнка с Мурёнкой. Днём-то привычно было без Коковани сидеть, пока он козлов выслеживал... Как темнеть стало, запобаивалась. Только глядит – Мурёнка лежит спокойнёхонько. Дарёнка и повеселела. Села к окошечку, смотрит в сторону покосных ложков и видит – от лесу какой-то комочек катится. Как ближе подкатился, разглядела – это козёл бежит. Ножки тоненькие, головка лёгонькая, а на рожках по пяти веточек. Выбежала Дарёнка поглядеть, а никого нет. Подождала-подождала, воротилась в балаган, да и говорит:

– Видно, задремала я. Мне и показалось.

Мурёнка мурлычет: «Пр-равильно говоришь. Пр-равильно». Легла Дарёнка рядом с кошкой, да и уснула до утра.

Другой день прошёл. Не воротился Кокованя. Скучненько стало Дарёнке, а не плачет. Гладит Мурёнку да приговаривает:

– Не скучай, Мурёнушка! Завтра дедо непременно придёт.

Мурёнка свою песенку поёт: «Пр-равильно говоришь. Пр-равильно».

Посидела опять Дарёнушка у окошка, полюбовалась на звёзды. Хотела спать ложиться – вдруг по стенке топоток прошёл. Испугалась Дарёнка, а топоток по другой стене, потом по той, где окошечко, потом – где дверка, а там и сверху запостукивало. Негромко, будто кто лёгонький да быстрый ходит.

Дарёнка и думает: «Не козёл ли тот, вчерашний, прибежал?» И до того ей захотелось поглядеть, что и страх не держит. Отворила дверку, глядит, а козёл – тут, вовсе близко. Правую переднюю ножку поднял – вот топнет, а на ней серебряное копытце блестит, и рожки у козла о пяти ветках.

Дарёнка не знает, что ей делать, да и манит его, как домашнего:

– Ме-ка! Ме-ка!

Козёл на это как рассмеялся! Повернулся и побежал.

Пришла Дарёнушка в балаган, рассказывает Мурёнке:

– Поглядела я на Серебряное Копытце. И рожки видела и копытце видела. Не видела только, как тот козлик ножкой топает, дорогие камни выбивает. Другой раз, видно, покажет.

Мурёнка знай свою песенку поёт: «Пр-равильно говоришь. Пр-равильно».

Третий день прошёл, а все Коковани нет. Вовсе затуманилась Дарёнка. Слёзки запекывали. Хотела с Мурёнкой поговорить, а её нету. Тут вовсе испугалась Дарёнушка, из балагана выбежала кошку искать.

Ночь месячная, светлая, далеко видно. Глядит Дарёнка – кошка близко на покосном ложке сидит, а перед ней козёл. Стоит, ножку поднял, а на ней серебряное копытце блестит.

Мурёнка головой покачивает, и козёл тоже. Будто разговаривают. Потом стали по покосным ложкам бегать.

Бежит-бежит козёл, остановится и давай копытцем бить. Мурёнка подбежит, козёл дальше отскочит и опять копытцем бьёт. Долго они так-то по покосным ложкам бегали. Не видно их стало. Потом опять к самому балагану воротились.

Тут вспрыгнул козёл на крышу и давай по ней серебряным копытцем бить. Как искры, из-под ножки-то камешки посыпались. Красные, голубые, зелёные, бирюзовые – всякие.

К этой поре как раз Кокованя и вернулся. Узнать своего балагана не может. Весь он как ворох дорогих камней стал. Так и горит-переливается разными огнями. Наверху козёл стоит – и всё бьёт да бьёт серебряным копытцем, а камни сыплутся да сыплутся.

Вдруг Мурёнка скок туда же! Встала рядом с козлом, громко мяукнула, и ни Мурёнки, ни Серебряного Копытца не стало.

Кокованя сразу полшапки камней нагрёб, да Дарёнка запросила:

– Не тронь, дедо! Завтра днём ещё на это поглядим.

Кокованя и послушался. Только к утру-то снег большой выпал. Все камни и засыпало. Перегребали потом снег-то, да ничего не нашли. Ну, им и того хватило, сколько Кокованя в шапку нагрёб.

Всё бы хорошо, да Мурёнки жалко. Больше её так и не видали, да и Серебряное Копытце тоже не показался. Потешил раз – и будет.

А по тем покосным ложкам, где козёл скакал, люди камешки находить стали. Зелёненькие больше. Хризолитами называются. Видали?

МОРОЗ ИВАНОВИЧ

В.Одоевский

*Нам даром без труда ничего не даётся, –
недаром исстари пословица ведётся.*

В одном доме жили две девочки – Рукодельница да Ленивица, а при них нянюшка.

Рукодельница была умная девочка: рано вставала, сама, без нянюшки, одевалась, а вставши с постели, за дело принималась: печку топила, хлебы месила, избу мела, петуха кормила, а потом на колодец за водой ходила.

А Ленивица меж тем в постельке лежала, потягивалась, с боку на бок переваливалась, уж разве наскучит лежать, так скажет спросонья: «Нянюшка, надень мне чулочки, нянюшка, завяжи башмачки», а потом заговорит: «Нянюшка, нет ли булочки?» Встанет, попрыгает, да и сядет к окошку мух считать: сколько прилетело да сколько улетело. Как всех пересчитает Ленивица, так уж и не знает, за что приняться и чем бы заняться; ей бы в постельку – да спать не хочется; ей бы покушать – да есть не хочется; ей бы к окошку мух считать – да и то надоело. Сидит, горемычная, и плачет да жалуется на всех, что ей скучно, как будто в том другие виноваты.

Между тем Рукодельница воротится, воду процедит, в кувшины нальёт; да ещё какая затейница: коли вода нечиста,

так свернёт лист бумаги, наложит в неё угольков да песку крупного насыплет, вставит ту бумагу в кувшин да нальёт в неё воды, а вода-то знай проходит сквозь песок да сквозь уголья и каплет в кувшин чистая, словно хрустальная; а потом Рукодельница примется чулки вязать или платки подрубать, а не то и рубашки шить да кроить, да ещё рукодельную песенку затянет; и не было никогда ей скучно, потому что и скучать-то было ей некогда: то за тем, то за другим делом, а тут, смотришь, и вечер – день прошёл.

Однажды с Рукодельницей беда приключилась: пошла она на колодец за водой, опустила ведро на верёвке, а верёвка-то и оборвись; упало ведро в колодец. Как тут быть?

Расплакалась бедная Рукодельница, да и пошла к нянюшке рассказывать про свою беду и несчастье; а нянюшка Прасковья была такая строгая и сердитая, говорит:

– Сама беду сделала, сама и поправляй; сама ведёрко утопила, сама и доставай.

Нечего было делать: пошла бедная Рукодельница опять к колодцу, ухватилась за верёвку и спустилась по ней к самому дну. Только тут с ней чудо случилось. Едва спустилась, смотрит: перед ней печка, а в печке сидит пиро-

жок, такой румяный, поджаристый; сидит, поглядывает да приговаривает:

– Я совсем готов, подрумянился, сахаром да изюмом обжарился; кто меня из печки возьмёт, тот со мной и пойдёт!

Рукодельница, нимало не мешкая, схватила лопатку, вынула пирожок и положила его за пазуху.

Идёт она дальше. Перед нею сад, а в саду стоит дерево, а на дереве золотые яблочки; яблочки листьями шевелят и промеж себя говорят:

– Мы яблочки наливные, созрелые; корнем дерева питались, студёной росой обмывались; кто нас с дерева стрясёт, тот нас себе и возьмёт.

Рукодельница подошла к дереву, потрясла его за сучок, и золотые яблочки так и посыпались к ней в передник.

Рукодельница идёт дальше. Смотрит: перед ней сидит старик Мороз Иванович, седой-седой; сидит он на ледяной лавочке да снежные комочки ест; тряхнёт головой – от волос иней сыплется, духомдохнет – валит густой пар.

– А! – сказал он. – Здорово, Рукодельница! Спасибо, что ты мне пирожок принесла; давным-давно уж я ничего горяченького не ел.

Тут он посадил Рукодельницу возле себя, и они вместе пирожком позавтракали, а золотыми яблочками закусили.

– Знаю я, зачем ты пришла, – говорит Мороз Иванович, – ты ведёрко в мой студенец опустила; отдать тебе ведёрко отдам, только ты мне за то три дня прослужи; будешь умна, тебе ж лучше; будешь ленива, тебе ж хуже. А теперь, – прибавил Мороз Иванович, – мне, старику, и отдохнуть пора; поди-ка приготовь мне постель, да смотри взбей хорошенько перину.

Рукодельница послушалась... Пошли они в дом. Дом у Мороза Ивановича сделан был весь изо льда: и двери, и окошки, и пол ледяные, а по стенам убрано снежными звёз-

дочками; солнышко на них сияло, и всё в доме блестело, как брильянты. На постели у Мороза Ивановича вместо перины лежал снег пушистый; холодно, а делать было нечего.

Рукодельница принялась взбивать снег, чтобы старику было мягче спать, а между тем у ней, бедной, руки окостенели и пальчики побелели, как у бедных людей, что зимой в проруби бельё полощут: и холодно, и ветер в лицо, и бельё замерзает, колом стоит, а делать нечего – работают бедные люди.

– Ничего, – сказал Мороз Иванович, – только снегом пальцы потри, так и отойдут, не отзнобишь. Я ведь старик добрый; посмотри-ка, что у меня за диковинки.

Тут он приподнял свою снежную перину с одеялом, и Рукодельница увидела, что под периною пробивается зелёная травка. Рукодельнице стало жалко бедной травки.

– Вот ты говоришь, – сказала она, – что ты старик добрый, а зачем ты зелёную травку под снежной периной держишь, на свет Божий не выпускаешь?

– Не выпускаю потому, что ещё не время, ещё трава в силу не вошла. Осенью крестьяне её посеяли, она и взошла, и кабы вытянулась уже, то зима бы её захватила, и к лету травка бы не вызрела. Вот я и прикрыл молодую зелень моею снежною периной, да ещё сам прилёг на неё, чтобы снег ветром не разнесло, и вот придет весна, снежная перина растает, травка заколосится, а там, смотришь, выглянет и зерно, а зерно крестьянин соберёт да на мельницу отвезёт; мельник зерно смелет, и будет мука, а из муки ты, Рукодельница, хлеб испечёшь.

– Ну, а скажи мне, Мороз Иванович, – сказала Рукодельница, – зачем ты в колодце-то сидишь?

– Я затем в колодце сижу, что весна подходит, – сказал Мороз Иванович. – Мне жарко становится; а ты знаешь, что и летом в колодце холодно бывает, оттого и вода в колодце студёная, хоть посреди самого жаркого лета.

– А зачем ты, Мороз Иванович, – спросила Рукодельница, – зимой по улицам ходишь да в окошки стучишься?

– А я затем в окошко стучусь, – отвечал Мороз Иванович, – чтоб не забывали печей топить да трубы вовремя закрывать; а не то, ведь я знаю, есть такие неряхи, что печку истопить истопят, а трубу закрыть не закроют или и закрыть закроют, да не вовремя, когда ещё не все угольки прогорели, а от того в горнице угарно бывает, голова у людей болит, в глазах зелено; даже и совсем умереть от угара можно. А затем ещё я в окошко стучусь, чтобы никто не забывал, что есть на свете люди, которым зимой холодно, у которых нету шубки, да и дров купить не на что; вот я затем в окошко стучусь, чтобы им помогать не забывали.

Тут добрый Мороз Иванович погладил Рукодельницу по головке, да и лёг почивать на свою снежную постель.

Рукодельница меж тем всё в доме прибрала, пошла на кухню, кушанье изготвила, платье у старика починила и бельё выштопала.

Старичок проснулся; был всем очень доволен и поблагодарил Рукодельницу. Потом сели они обедать; обед был прекрасный, и особенно хорошо было мороженое, которое старик сам изготвил.

Так прожила Рукодельница у Мороза Ивановича целых три дня.

На третий день Мороз Иванович сказал Рукодельнице:

– Спасибо тебе, умная ты девочка, хорошо ты меня, старика, утешила, и я у тебя в долгу не останусь. Ты знаешь: люди за рукоделье деньги получают, так вот тебе твоё ведёрко, а в ведёрко я насыпал целую горсть серебряных пяточков; да, сверх того, вот тебе на память брильянтик – косыночку закалывать.

Рукодельница поблагодарила, приколола брильянтик, взяла ведерко, пошла опять к колодцу, ухватилась за верёвку и вышла на свет Божий.

Только что она стала подходить к дому, как петух, которого она всегда кормила, увидел её, обрадовался, взлетел на забор и закричал:

Кукареку, кукареки!

У Рукодельницы в ведёрке пятаки!

Когда Рукодельница пришла домой и рассказала всё, что с ней было, нянюшка очень дивовалась, а потом примолвила:

– Вот видишь ты, Ленивица, что люди за рукоделье получают! Поди-ка к старичку да послужи ему, поработай; в комнате у него прибирай, на кухне готовь, платье чини да бельё штопай, так и ты горсть пяточков заработаешь, а оно будет кстати: у нас к празднику денег мало.

Ленивице очень не по вкусу было идти к старику работать. Но пяточки ей получить хотелось и брильянтовую булавочку тоже.

Вот, по примеру Рукодельницы, Ленивица пошла к колодцу, схватилась за верёвку, да бух прямо ко дну. Смотрит – перед ней печка, а в печке сидит пирожок, такой румяный, поджаристый; сидит, поглядывает да приговаривает:

– Я совсем готов, подрумянился, сахаром да изюмом обжарился; кто меня возьмёт, тот со мной и пойдёт.

А Ленивица ему в ответ:

– Да, как бы не так! Мне себя утомлять – лопатку поднимать да в печку тянуться; захочешь, сам выскочишь.

Идёт она далее, перед нею сад, а в саду стоит дерево, а на дереве золотые яблочки; яблочки листьями шевелят да промеж себя говорят:

– Мы яблочки наливные, созрелые; корнем дерева питались, студёной росой обмывались; кто нас с дерева стрясёт, тот нас себе и возьмёт.

– Да, как бы не так! – отвечала Ленивица. – Мне себя утомлять – ручки подымать, за сучья тянуть... Успею набрать, как сами нападают!

И прошла Ленивица мимо них. Вот дошла она и до Мороза Ивановича. Старик по-прежнему сидел на ледяной скамеечке да снежные комочки прикусывал.

– Что тебе надобно, девочка? – спросил он.

– Пришла я к тебе, – отвечала Ленивица, – послужить да за работу получить.

– Дельно ты сказала, девочка, – отвечал старик, – за работу деньга следует, только посмотрим, какова ещё твоя работа будет! Поди-ка взбей мне перину, а потом кушанье изготвь, да платье моё повычини, да бельё повыштопай.

Пошла Ленивица, а дорогой думает: «Стану я себя утомлять да пальцы знобить! Авось старик не заметит и на невзбитой перине уснёт».

Старик в самом деле не заметил или прикинулся, что не заметил, лёг в постель и заснул, а Ленивица пошла на кухню. Пришла на кухню, да и не знает, что делать. Кушать-то она любила, а подумать, как готовилось кушанье, это ей и в голову не приходило; да и лень было ей посмотреть. Вот она огляделась: лежит перед ней и зелень, и мясо, и рыба, и уксус, и горчица, и квас – всё по порядку. Думала она, думала, кое-как зелень обчистила, мясо и рыбу разрежала да, чтоб большого труда себе не давать, как всё было, мытое-немытое, так и положила в кастрюлю: и зелень, и мясо, и рыбу, и горчицу, и уксус да ещё кваску подлила, а сама думает: «Зачем себя трудить, каждую вещь особо варить? Ведь в желудке всё вместе будет».

Вот старик проснулся, просит обедать. Ленивица притащила ему кастрюлю, как есть, даже скатерцы не подостлала. Мороз Иванович попробовал, поморщился, а песок так и захрустел у него на зубах.

– Хорошо ты готовишь, – заметил он, улыбаясь. – Посмотрим, какова твоя другая работа будет.

Ленивица отведала, да тотчас и выплюнула, а старик покряхтел, покряхтел, да и принялся сам готовить кушанье и

сделал обед на славу, так что Ленивица пальчики облизала, кушая чужую стряпню.

После обеда старик опять лёг отдохнуть да припомнил Ленивице, что у него платье не починено, да и бельё не выштопано.

Ленивица понадулась, а делать было нечего: принялась платье и бельё разбирать; да и тут беда: платье и бельё Ленивица нашивала, а как его шьют, о том и не спрашивала; взяла было иголку, да с непривычки укололась; так её и бросила. А старик опять будто бы ничего не заметил, ужинать Ленивицу позвал, да ещё спать уложил.

А Ленивице то и любо; думает себе: «Авось и так пройдёт. Вольно было сестрице на себя труд принимать; старик добрый, он мне и так, задаром, пяточков подарит».

На третий день приходит Ленивица и просит Мороза Ивановича её домой отпустить да за работу наградить.

– Да какая же была твоя работа? – спросил старичок. – Уж коли на правду дело пошло, так ты мне должна заплатить, потому что не ты для меня работала, а я тебе служил.

– Да, как же! – отвечала Ленивица. – Я ведь у тебя целых три дня жила.

– Знаешь, голубушка, – отвечал старичок, – что я тебе скажу: жить и служить – разница, да и работа работе рознь; заметь это: вперёд пригодится. Но, впрочем, если тебя совесть не зазрит, я тебя награжу: и какова твоя работа, такова будет тебе и награда.

С этими словами Мороз Иванович дал Ленивице пребольшой серебряный слиток, а в другую руку – пребольшой брильянт.

Ленивица так этому обрадовалась, что схватила то и другое и, даже не поблагодарив старика, домой побежала.

Пришла домой и хвастается.

– Вот, – говорит, – что я заработала; не сестре чета, не горсточку пяточков да не маленький брильянтик, а целый сли-

ток серебряный, вишь, какой тяжёлый, да и брильянт-то чуть не с кулак... Уж на это можно к празднику обнову купить...

Не успела она договорить, как серебряный слиток растаял и полился на пол; он был не что иное, как ртуть, которая застыла от сильного холода; в то же время начал таять и брильянт. А петух вскочил на забор и громко закричал:

Кукареку-кукарекулька,
У Ленивицы в руках ледяная сосулька!

А вы, детушки, думайте, гадайте, что здесь правда, что неправда; что сказано впрямь, что стороною; что шутки ради, что в наставленье...

ЦАРЕВНА ЛЬДИНКА

Л.Чарская

На высокой, высокой горе, под самым небом, среди вечных снегов стоит хрустальный дворец царя Холода. Он весь выстроен из чистейшего льда, и всё в нём, начиная с широких диванов, кресел, резных столов, зеркал и кончая подвесками у люстр, – всё ледяное.

Батюшка царь грозен и угрюм. Седые брови нависли у него на глаза, а глаза у него такие, что, кто в них ни взглянет, того колючим холодом так и проймёт. Борода у царя совершенно белая, и в ней словно блёстки от камней драгоценных запутались, и самоцветными искрами вся она так и переливается.

Но краше бороды царской, краше его высокого дворца, краше всех сокровищ три дочери царя, три красавицы царевны: Вьюга, Стужа и Лядинка.

У царевны Вьюги чёрные очи и такой звонкий голос, что его внизу в долинах далеко слышно. Царевна Вьюга всегда чрезвычайно весела и танцует и поёт целый день.

Средняя царевна, Стужа, не уступит в красоте старшей сестре, только гордая она и кичливая, ни с кем добрым словом не обмолвится, никому головой не кивнет, и ходит, стройная да румяная, по своему терему, вполне довольная своей красотой, никому не открывая своего сердца.

Зато младшая сестра, царевна Льдинка, совсем иная: разговорчива, словоохотлива и уж так хороша, что при виде её у самого грозного царя Холода очи загораются нежностью, седые брови расправляются и по лицу добрая, ласковая улыбка скользит. Любуется царь дочкой, любит её и так балует, что старшие царицны обижаются и сердятся за это на царя.

– Льдинка – батюшкина любимица, – с завистью говорят они.

И красавица же уродилась младшая царицна, такая красавица, что другой такой во всём Ледяном царстве не сыскать.

Локоны у царицны – чистое серебро. Глаза – как сапфиры синие и как алмазы самоцветные. Уста алые, как цветок

розы в долине, а сама вся нежная да хрупкая, как драгоценное изваяние из лучшего хрустала.

Как взглянет на кого своими синими лучистыми глазами Лыдинка, так за один взгляд этот каждый жизнь свою готов отдать.

Царевны весело живут в своём высоком тереме. Днём они пляшут, играют да дивные сказки старшей царевны Вьюги слушают, а ночью на охоту за барсами и оленями выезжают.

И тогда по всем горам да ущельям такой гул и шум поднимается, что люди в страхе от этого шума спешат из гор и из леса к себе по домам.

Царевнам только и можно ночью из дома выходить. Днём они из терема показаться не смеют, так как у царя Холода и у его дочерей-красавиц есть опасный, страшный враг.

Этот враг – король Солнце, который живёт в высоком тереме, выше самого дворца царя Холода, и то и дело посылает свою рать на Ледяное царство, то и дело шлёт свои Лучи узнать-изведать, как легче и лучше победить ему непобедимого врага – царя Холода. А вражда у них давнишняя, старая. С тех пор, как выстроен хрустальный дворец на утесе, с тех пор, как стали пчёлы за мёдом в долинах летать, с тех пор, как цветы запестрели в лесу и в поле, с тех пор и поднялась между царем Холодом и королем Солнцем эта вражда не на жизнь, а на смерть.

Строго-настрога блюдёт царь Холод, чтобы лукавый король не проник как-нибудь в его царское жилище, не сжёт своим роковым огнём и дочерей его, и самый дворец из хрустального льда.

День и ночь стоит стража на карауле вокруг царского дворца, и строго приказано ей следить, чтобы ни один из Лучей-воинов короля Солнца не проник сюда. А царевнам накрепко запрещено выходить днём из дворца, чтобы как-нибудь ненароком не встретиться с королём.

Вот почему день-деньской, пока страшный король гуляет по своим и чужим владениям, царевны-красавицы сидят в терему и нижут ожерелья жемчужные, да ткут алмазные пряжи, да слагают дивные сказки и песни. А придёт ночь, золотые звёзды усыпят небо, ясный месяц выплывет из-за облаков, тогда выходят они из хрустального терема и скачут в горы гонять барсов да оленей.

Но не всё же царевнам за барсами и оленями гоняться, да звёзды считать, да алмазные нити выводить, да дивные песни и сказки складывать.

Пришла пора замуж царевен выдавать.

Позвал царь Холод всех трёх дочерей к себе и говорит:

– Дети мои! Не всё вам в родном тереме сидеть под крылышком отцовским. Выдам-ка я вас замуж за трёх прекрасных принцев нашей стороны, трёх родных братьев. Тебе, царевна Стужа, дам в мужья краснощекого принца Мороза; у него несметные богатства из подвесок и украшений драгоценных. Несчётными сокровищами наделит он тебя. Будешь ты самой богатой принцессой в мире. Тебе, царевна Вьюга, дам принца Ветра в мужья. Он не так богат, как его брат Мороз, но зато так могуч и так силен, что в могуществе и силе нет ему равного в мире. Он будет тебе добрым защитником-мужем. Будь покойна, дочка. А тебе, моя любимица, – с ласковой улыбкой обратился старый царь к младшей дочери Льдинке, – дам я такого мужа, который подходит тебе больше всего. Правда, он не могуществен, как принц Ветер, и не богат, как принц Мороз, но зато отличается несказанной, безграничной добротой и кротостью. Принц Снег – твой жених наречённый. Все его любят, все почитают. И недаром: всех-то он приласкает, всех прикроет своей белой пеленой. Цветы, травы и былинки чувствуют себя зимой под его пеленою точно под тёплым, пуховым одеялом. Он добр и ласков, кроток и нежен. А доброе, ласковое сердце дороже всех могуществ и богатств в целом мире.

Низко-низко поклонились старшие царевны отцу, а младшая надула губки, нахмурила брови и процедила сквозь зубы недовольным голосом:

– Нехорошо ты придумал, батюшка-царь. самого незавидного жениха мне, своей любимой дочери, выискал. Что толку, что добр принц Снег и ласков, когда он не может ни подарить мне драгоценных уборов, как Мороз сестрице Стуже, ни побиться на смерть, как принц Ветер, с врагами и всех своею силою одолеть. К тому же его старшие братья над ним такую силу взяли! Ветер его по своему желанию кружит, вертит, а принц Мороз одним мановением руки может к месту приковать, и без его разрешения бедный принц Снег не в состоянии и двинуться.

– Так это и хорошо! – произнёс царь, нахмутив свои седые брови. – Принц Снег – младший из братьев, а покорность старшим – это одно из лучших достоинств молодого принца.

Но царевна всё своё твердит:

– Не люб мне принц Снег, батюшка, не хочу идти за него замуж!

Рассердился, разгневался царь Холод. Дунул направо, дунул налево. Заскрипели льды-ледники, захладела земля. Все пушные звери со страху попрятались в норы, а старый горный орёл вскинул крыльями, да тут же и замер в воздухе.

А царь Холод как загремит своим грозным голосом на младшую дочку:

– Что ты понимаешь, Лядинка? Лучше мужа тебе самой не сыскать. И не смей упрячиться! Иди в свой терем и приготовься к вечеру как следует встретить жениха. На сегодняшней бал во дворец приглашены мною все три принца.

Горько заплакала царевна, но не посмела послушаться царя-батюшку и, поникнув головою, поплелась в свой терем.

Села царевна в уголок, серебряные слезинки из синих глаз роняет, и тут же эти слезинки в прекрасные бриллиантовые капельки на щеках её превращаются.

Собрала бриллиантовые слезинки в пригоршню царевна, смотрит на них и думает: «Вот сокровища, которые я должна собирать теперь, потому что у моего жениха ничего нет и я собственными слезами должна создавать себе богатство».

Глупенькая царевна! Она не знала, что не богатство составляет истинное счастье каждого существа.

И вдруг видит царевна, что чудными огнями заиграли у неё на ладони бриллиантовые слезинки. Она испуганно подняла голову и увидела, что в окно её терема глядит красавец мальчик, такой светлый и радостный, какого она не видела никогда.

– Кто ты? – вскричала царевна, вскакивая со своего места и подбегая к окошку.

– Я слуга одного молодого короля, который хорош, как день, могуч, как горный орёл, и богат, как три царя Холода, вместе взятые.

– Богаче, чем мой отец и принц Мороз даже? – вскричала изумлённая царевна.

– Куда перед ним твой принц Мороз! – насмешливо произнес мальчик. – Принц Мороз просто нищий перед нашим повелителем.

– А как зовут твоего короля? – поинтересовалась красавица.

– Его зовут король Солнце! – произнёс гордо мальчик.

Едва только успел он выговорить эти слова, как царевна с криком отодвинулась от окошка и, в ужасе закрыв лицо руками, произнесла:

– Уйди! Уйди! Я знаю, кто ты! Ты мальчик Луч, один из тех, которых посылает король Солнце войною на наше царство. Как ты осмелился и сумел проникнуть сюда, когда вокруг нашего дворца стоит стража?

Мальчик Луч только усмехнулся в ответ своими сверкающими глазами.

– Все ваши теперь заняты приготовлением к балу. Ваши стражи, Зефиры, разлетелись в разные стороны с приглашениями гостей. Я воспользовался этим и как самый маленький из слуг моего короля проникнул к твоему терему. Что скажешь ты на это, царевна Лыдинка?

– Скажу одно! – гневно топнув ножкою, вскричала царевна. – Скажу одно: твой король – заклятый враг наш, и я сейчас крикну стражу, которая прибежит схватить тебя.

– Не торопись, царевна! – произнёс мальчик Луч в ответ спокойным голосом. – Ну, схватишь ты меня, а потом что? Будешь кружиться, как глупая козочка, на балу с твоим женихом Снегом, и то, если ему позволят кружиться старшие принцы: Мороз и Ветер. А потом отдадут тебя замуж за бедного принца, их младшего брата, и проживёшь ты свой долгий век, не видя ни роскоши, ни могущества, ни богатства, ты, самая красивая из царевен. А в это время твои сёстры прославятся через своих мужей. Их ждет богатство и могущество.

– Ах, правду ты говоришь, мальчик Луч, – произнесла Льдинка, – истинную правду. – И она печально поникла своей прекрасной головкой.

Мальчик Луч долго молча смотрел на неё. По лицу его промелькнула лукавая улыбка.

– Не тужи, красавица Льдинка! – произнёс он самым ласковым голосом. – Я недаром проник в твой терем. Я прилетел сюда с целью посватать тебя за такого знатного жениха, такого богатого, что твои сёстры лопнут от зависти, узнав про это. Хочешь быть женою самого короля Солнца, моего господина?

Царевна Льдинка даже замерла от ужаса, услыша это. Она долго не могла произнести ни слова, а когда заговорила снова, то голос её дрожал от волнения и страха.

– Нет, нет. Король Солнце наш враг. Недаром мой отец, царь Холод, всячески скрывает всех нас от него. Солнце только и ищет случая погубить нас, – заключила она с трепетом.

– И ты веришь этому, маленькая царевна? – звонко рассмеялся Луч. – Всё это вздор: король Солнце лучший из царей вселенной. Он заботлив и ласков, как нежная мать. Если царь Холод не хотел, чтобы вы познакомились с ним, так это оттого только, чтобы ты и сёстры твои не увидели, что сам он, могущественный ваш повелитель и отец, куда слабее великого короля Солнца...

– Так вот оно что! – задумчиво произнесла царевна. – А я думала... Отчего же он воюет с батюшкой? – внезапно высказала она мелькнувшую мысль.

– Отчего? А вот сейчас узнаешь!.. – звонко рассмеялся солнечный Луч. – Король Солнце любит тебя и хочет взять тебя за себя замуж, а батюшка твой против этого. Ему не выгодно, чтобы его зять был знатнее его.

– Понимаю теперь, – проговорила тихо принцесса, – всё понимаю... А если я и впрямь выйду за Солнце, он нашьёт мне таких же уборов и нарядов, какие Мороз сделает сестрице Стуже?

– Во сто раз краше и богаче нарядит тебя мой король, царевна! – уверенно произнёс мальчик Луч.

– Ну, тогда я готова быть женою твоего короля, – весело проговорила Льдинка. – Воображаю, как позавидуют мне сестры и сам батюшка-царь, когда увидят меня самой богатой и знатной королевой в мире!

И царевна Льдинка гордо выпрямилась и кинула на мальчика Луча такой взгляд, точно она была уже его царицей, а он её поданным.

– Вот и отлично, ваше высочество, моя будущая королева, – с низким поклоном произнёс Луч. – Я так и думал, что вы самая умная царевна в мире и скоро поймёте тех, кто искренне желает вам добра, – с тонкою улыбкою добавил он. – А теперь не угодно ли вам пожаловать за мною?

– Куда? – испуганно произнесла царевна.

– В царство короля Солнца, моего повелителя! – с новым поклоном произнёс Луч.

Царевне Льдинке очень понравилось такое почтительное обращение. Она любила лести.

Мальчик Луч ударил в ладоши, и вмиг лёгкая колесница цвета утренней зари, сплетённая из лепестков роз, появилась перед нею. Две исполинские мохнатые пчёлки везли её.

– Садитесь скорее, царевна, – торопил её мальчик Луч, в одну минуту занимая место на козлах, – а то наши кони, дети солнечных дней, замёрзнут в вашем холодном царстве.

Льдинка не заставила себя приглашать вторично. Знать, могущество и богатство, которые улыбались ей в самом недалёком будущем, заставили её весело и легко впрыгнуть в розовый экипаж, и они понеслись.

Изумлённая стража ледяного дворца царя Холода со страхом увидела пронёсшуюся мимо неё царевну, но пока успела поднять тревогу, Льдинка с Лучом были уже далеко.

Им навстречу попалась бабушка Пурга, с головы до ног закутанная в своё белое покрывало.

Она грозила клюкой, стараясь преградить путь царевне, и кричала:

– Берегись, царевна, не слушай лстивых речей! Будь покорна отцу. Вернись! Вернись!

Но Луч только со смехом заглянул в лицо старухи, и та с громким проклятием со всех ног понеслась в горы.

Между тем белые ледники и сугробы исчезли. Теплом и ароматом пахло на царевну. Перед ней показался роскошный сад.

Там прогуливались феи, воздушные и нежные, как сон. Их длинные волосы отливали золотом, алые уста улыбались; их лёгкие платья, сотканые из лепестков роз и лилий, были самых нежных оттенков. Легкие и воздушные, они носились, танцуя в воздухе, чуть шурша своими лёгкими крыльями, казавшимися серебряными в блеске майского дня.

В один миг, увидя царевну, появившуюся среди них, они залепетали звонкими, как свирель, тоненькими голосками:

1-я фея: Какая хорошенькая девочка!

2-я фея: Совсем не хорошенькая! Закуталась в такую жару и выглядит кусочком снега!

3-я фея: У неё глаза, как синее озеро!

4-я фея: Наши разноцветные глазки выглядят куда лучше!

5-я фея: Она никуда не годится. Она ничто в сравнении с нами по красоте!

6-я фея: Она тяжела и неуклюжа и не может кружиться в воздухе, как мы.

7-я фея: Просто ледяная сосулька, которой нет места в нашем чудесном царстве.

8-я фея: Уродливая сосулька, и больше ничего.

И затем все феи вместе закричали:

– Сосулька! Сосулька! Сосулька!

Бедной царевне Льдинке хотелось заплакать от горя и обиды. Но её синие глаза не знали слёз. Её сердце только заглодело ещё больше. Оно до краёв наполнилось теперь гордым презрением к маленьким феям за их недоброе отношение к ней. И она гордо и громко произнесла:

– Ага, вы смеётесь теперь надо мною, я кажусь вам гадкой и смешной, но когда я буду вашей повелительницей, женою короля Солнца, вы будете низко кланяться мне и всё во мне найдёте прекрасным.

И как будто уже предвкушая свою победу над насмешниками-феями, царевна Льдинка гордо прошла перед ними, обдавая их холодом с головы до ног.

– Ах, противная сосулька, что она говорит? – вскричали нежные феи и угрожающе подступили к царевне Льдинке, размахивая перед самым её лицом своими крылышками.

Вдруг смутный гул пронёсся по светлому царству. Тысячи разноцветных мотыльков заметались в разные стороны. Стая жаворонков поднялась в голубом воздухе и запела хором.

Ах, что это была за песнь!

Такой песни царевна Льдинка в жизни не слышала в своих нагорных ледниках. Сестра Вьюга пела хуже, во сто раз хуже звонких жаворонков.

Мальчики Лучи появились в огромном количестве и стали двумя рядами на пышной цветочной поляне.

– Король Солнце идёт! Король Солнце идёт! – зашептали весёлые феи и стали охорашиваться в ожидании своего молодого повелителя.

И вдруг всё разом чудесно засияло в светлом царстве. Царевна Льдинка даже зажмурилась невольно. Столько блеска и света было кругом, что глазам становилось больно.

Неожиданно появился на золотой колеснице златокудрый юноша такой красоты, какой ещё не видывала Льдинка.

И весь он сиял; сияли даже его волосы, глаза и одежда. На пышных кудрях лежала золотая корона, от которой и происходило сияние, больно резавшее глаза. Целая свита мальчиков Лучей толпилась вокруг.

Все феи при виде короля упали на колени. Одна царевна Льдинка гордо выступила вперёд. Окинув надменным взглядом толпу фей, она смело посмотрела на красавца короля и сказала:

– Глупые, маленькие, ничтожные дочери воздуха посмели смеяться надо мной, могучей царевной, их будущей повелительницей. Накажи их, король Солнце, накажи тотчас!

Король нежно поднял глаза на царевну.

– Вот сейчас увидите! Вот сейчас увидите! – произнесла торжествующая Льдинка, обращаясь к феям. – Я невеста короля Солнца, и вы должны поклониться мне, как вашей повелительнице-королеве.

Она хотела ещё прибавить что-то и вдруг остановилась. Целый сноп лучей вырвался из золотых очей короля Солнца. Раскалёнными иглами впились они в лицо Льдинки.

Из груди её вырвался громкий крик, ноги подкосились, глаза закрылись, и она упала навзничь, бледная как смерть.

И под жгучим взглядом короля Солнца Льдинка быстро таяла, таяла...

На горах, в ледниках старый царь Холод рыдал в отчаянии, узнав про гибель дочери. Стужа и Вьюга вторили ему, оплакивая красавицу сестричку.

А Льдинка растаяла, умерла совсем, умерла, сожжённая Солнцем, его золотыми глазами.

От неё не осталось уже следа, когда король Солнце приказал насмешницам-феям:

– Сплетайте хороводы и пойте песни. Я отправляюсь воевать с царем Холодом и вскоре надеюсь торжествовать победу над моим врагом.

И феи с весёлыми песнями полетели в разные стороны с радостной вестью, а люди счастливыми улыбками встретили благую весть о приближении Солнца, их любимого, светлого короля...

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ДЕДА МОРОЗА.....	7
ПО ЩУЧЬЕМУ ВЕЛЕНЬЮ	
<i>Русская народная сказка .....</i>	<i>12</i>
ЗИМОВЬЕ ЗВЕРЕЙ	
<i>Русская народная сказка .....</i>	<i>23</i>
МОРОЗКО	
<i>Русская народная сказка .....</i>	<i>29</i>
СНЕГУРОЧКА	
<i>Русская народная сказка .....</i>	<i>35</i>
СЕРЕБРЯНОЕ КОПЫТЦЕ	
<i>П.Бажов .....</i>	<i>41</i>
МОРОЗ ИВАНОВИЧ	
<i>В.Одоевский .....</i>	<i>53</i>
ЦАРЕВНА ЛЬДИНКА	
<i>Л.Чарская.....</i>	<i>64</i>

Издательство благодарит коллектив Федоскинской фабрики миниатюрной живописи за помощь, оказанную при подготовке книги, и предоставленные художественные работы:

Алдошкин Н.П. «Пряха»; Антонов В.Д. «Три девицы»; Балакирев П.Н. «Зимняя Москва»; Беловодова Е. «Снегурочка»; Борисов А.А. «Суздаль», «Снегири», «Дед Мороз», «Снегурочка»; Давыдов П.Н. «Генерал Топтыгин»; Евмененко И.А. «Снегурочка»; Захаров А.Г. «Морозко»; Кононова Ю.А. «Тройки зимние»; Кошелева Т.И. «Чаепитие»; Кузнецов Н.В. «Пейзаж»; Кузнецова Н.И. «Серебряное Копытце»; Лавров В.И. «Стар да мал»; Ларишев Г.И. «Морозко»; Марчукова С.П. «Тройка», «Зимняя тройка», «Катание на тройке»; Миронова З.С. «Зимний пейзаж»; Панарина Е.В. «Емеля»; Пичугина М.М. «Снегурочка»; Святченков В.А. «Пейзаж с лыжниками»; Сердотецков В.А. «Пейзаж»; Сидоров С.М. «Морозко»; Синдюков В.В. «Пейзаж»; Скрипунов Г.В. «Праздник»; «Новый год»; Солонинкин Н.М. «Морозко»; Старых Е.И. «Пейзаж к весне»; Страхов И.И. «К весне»; Стрелкина Н.В. «Деревенские новости»; Третьяков В.И. «Тройки»; Фёдоров А.А. «Праздник русской зимы»; Хомутиникова Е.Ю. «Снегурочка»; Шишкин Е.С. «Вербное воскресенье».

Книга издана при поддержке Российской партии ЖИЗНИ

Для младшего и среднего школьного возраста

Серия «Мир сказки»

СКАЗКИ ДЕДА МОРОЗА

Информационно-издательский дом
«Профиздат»

Генеральный директор
В.Н. Соловьев

Ответственные за выпуск
М.Н. Заячковский, А.А. Польщикова

Редактор-составитель *Н.Н. Терентьева*
Главный художник *В.М. Блинов*

Художник-дизайнер *Д.Г. Монахов*

Технический редактор *Н.Д. Коробова*

Корректоры *А.Ю. Андреева, А.Г. Свиридова*

Компьютерный дизайн и верстка *Н.А. Сафроненко*

ЛР № 030269 от 14.04.97. Подписано в печать 18.11.2005.
Формат 84x108 1/16. Бумага мелованная. Гарнитура «Helios».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,4. Уч.-изд. л. 15,12. Тираж 50 000 экз. Заказ А-917.

101000, Москва, ул. Мясницкая, 13, стр. 18–18а.

Тел.: 924-57-40. Отдел реализации: 128-05-64

Факс: 975-23-29, 334-24-22

E-mail: profizdat@profizdat.ru

Отпечатано в ОАО ПИК «ИДЕЛ - ПРЕСС»

420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.

Профиздат

ISBN 5-255-01474-5

9 785255 014743